

Lilith Beherith

БЕЗУМНИЕ НА ДВОИХ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

*«Когда весь мир сошел с ума,
выжить можно только вместе».*

18+

Лилит Бехерит

Безумие на двоих

<https://litres.ru/74016726>

SelfPub; 2026

Аннотация

В стенах «Вэкуминд» у каждого есть свой диагноз. Но самый опасный из них — правда.

Выстроенная годами идеальная жизнь богатой наследницы Ив Каstellан рушится, когда близкие люди фабрикуют её безумие ради денег. Теперь её дом — сырая тридцать четвертая палата, а её будущее — ампулы, лишаящие памяти.

Но её враги совершили одну роковую ошибку: они оставили ей её ярость. Сплотившись с загадочным и яростным Николасом, Ив начинает вести свою партию в подземельях клиники. Это история о том, как холодный расчет сталкивается с обжигающим безумием, а пепел сожженных надежд становится фундаментом для самой изощренной мести.

Включай блокировку. Их сеанс начинается.

Содержание

Часть 1. Глава 1. Корона из подтаявшего льда	4
Глава 2. Белые халаты, грязные мысли.	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Лилит Бехерит

Безумие на двоих

Часть 1. Глава 1. Корона из подтаявшего льда

Заброшенные американские города умирают одинаково. Сначала закрывается производство, затем из магазинов исчезают свежие продукты, а потом улицы заполняет тишина — густая, как болотная жижа, в которой вязнут звуки.

Двухэтажный деревянный дом тёти остался в нескольких сотнях миль позади.

Ив сидела на заднем сиденье, зажата между двумя плотными мужчинами в одинаковой серой униформе. На её запястьях не было наручников — тётя позаботилась о том, чтобы «процедура изъятия» выглядела законно и без лишнего шума, — но тяжелые, мозолистые ладони санитаров, лежащие на их собственных коленях, красноречиво заменяли железо. Любое неверное движение, и эти ладони сомкнутся на её плечах.

Но Ив не двигалась. Она смотрела в окно на проплывающие мимо серые скелеты зданий Фестервилль, городок, который заживо гниет в своей изоляции.

Ей было двадцать два, но внутри неё давно выросла глухая, непробиваемая стена. Когда тебе двенадцать, и мир взрывается вместе с двигателем чартерного рейса, уносящего жизни твоих родителей, ты либо учишься кричать, пока не лопнут легкие, либо затыкаешь эту дыру льдом. Ив выбрала второе. Десять лет в доме тёти, наполненных тихой, изощренной жестокостью, бесконечными упреками и холодным презрением, окончательно превратили этот лед в гранит. Она научилась быть злой. Она научилась смотреть на людей как на препятствия, которые нужно либо обойти, либо растоптать.

— Приехали, — хрипло отозвался водитель, сворачивая с разбитого шоссе на подъездную дорожку, посыпанную пожелтевшей хвоей.

Машина остановилась перед массивными коваными воротами. За ними, окруженное полумертвым сосновым бором, возвышалось трехэтажное здание из темно-серого кирпича. Викторианский стиль, узкие стрельчатые окна, местами заколоченные досками, и выцветшая вывеска, на которой едва читалось: «*Психиатрический диспансер Вэкуминд*». Это место выглядело мертвым. Полузаброшенным, как и сам город. Но из высокой трубы на крыше шел тонкий хвост грязно-белого дыма. Кто-то поддерживал жизнь в этом склепе.

— Выходи, — скомандовала санитар справа, открывая дверь. На его лице не было жалости, только скука человека, выполняющего рутинную работу.

Ив медленно повернула к нему голову. Её подбородок был высоко поднят, губы сжаты в тонкую, презрительную линию, а в больших темных глазах полыхала такая надменная, ледяная ярость, что мужчина невольно на секунду замешкался.

— Я умею ходить сама, — отчеканила она. Её голос прозвучал удивительно ровно, без единой дрожи, хотя глубоко под ребрами сердце совершало бешеные, рваные удары.

Она вышла из машины, расправив плечи. Холодный ветер Вэкуминд тут же ударил в лицо, принося с собой запах сырости, гнили и... чего-то сладковатого. Ив демонстративно проигнорировала протянутую руку второго санитаря и зашагала к тяжелым дубовым дверям лечебницы. Она не собиралась выглядеть жертвой. Тётя хотела запереть её здесь, лишить голоса, объявить безумной, чтобы прибрать к рукам остатки родительского наследства? Что ж. Ив заставит это место пожалеть о том, что её сюда впустили.

Тяжелая дверь захлопнулась за её спиной со зловещим, глухим стуком, отрезая осенний воздух. Внутри пахло хлоркой, старой бумагам и лекарствами, которые въелись в сами стены.

Ей провели по длинному, бесконечному коридору. Белый кафель под ногами был испещрен серыми царапинами от колес каталок. По обе стороны тянулись двери. Из-за некоторых доносилось тихое, монотонное мычание; где-то за стеной кто-то ритмично бился головой или рукой о металл. Пациенты, которых Ив мельком видела в рекреациях, напоми-

нали тени. Они сидели на пластиковых стульях, ссутулившись, с пустыми, затуманенными взглядами, направленными в никуда. Препараты превратили их в покорный, безвольный скот.

«Сброд», — мысленно выплюнула Ив, крепче сжимая кулаки. «Я никогда не стану одной из вас. Никакие таблетки не заставят меня так смотреть».

Её высокомерие было её единственным оружием. Она смотрела на проходящих мимо медсестер как на прислугу, которая посмела задержать её в прихожей.

Они подошли к центральному холлу, где находился пост дежурного врача. И именно там её идеальный, выстроенный годами внутренний лед дал первый скол.

Черноволосый парень сидел на низком подоконнике у окна, выходящего во внутренний двор. Больничная пижама из грубой ткани сидела на нем свободно, но даже она не могла скрыть резкие, угловатые линии широких плеч. Рукава были закатаны до локтей, и Ив невольно зацепилась взглядом за его предплечья. Они были изрезаны. Белые, старые шрамы переплетались с тонкими розоватыми полосами более свежих увечий, образуя на коже жуткий, пугающий узор. Человек, который так кромсал собственное тело, должен был вызывать отвращение или ужас.

Но Ив не почувствовала отвращения. Потому что в этот момент он поднял голову.

У него было бледное лицо с резкими скулами, а на губах

застыла едва заметная, дерзкая ухмылка. Но главным были глаза. Среди этого царства затуманенных, полумертвых взглядов его глаза горели диким, неправильным, пугающе чистым огнем. Это был взгляд хищника, который прекрасно осознавал, где находится, но презирал каждую клетку этой железной структуры.

Этот взгляд физически врезался в Ив. Он не отвел глаза, как делали все, на кого она смотрела со своей фирменной злостью. Напротив, он подался чуть вперед, впиваясь в неё в упор, словно сдирая слой её надменности, как старую, ненужную одежду. В его безумном, пронзительном взгляде читалось абсолютное, издевательское понимание: *«Я вижу тебя. Я вижу твою фальшивую броню. Ты боишься.»*

Ив застыла на месте. Воздух в коридоре будто стал густым, как свинец. Её пульс мгновенно взлетел, застучав в ушах оглушительным набатом. Это не было какой-то симпатией или чем-то отдающим романтикой. Это был первобытный, дикий сигнал опасности, адреналиновый взрыв. Её тело отреагировало так, словно она в темноте наступила на спящую гадюку.

Она почувствовала себя униженной тем, как легко этот шрамированный безумец заставил её растеряться. В ней тут же вскипела яростная, удушающая злость. Захотелось подбежать к нему, стереть эту ухмылку с его лица, закричать. Но вместе со злостью пришло другое, гораздо более жуткое чувство.

За последние десять лет Ив привыкла чувствовать себя призраком — бесчувственным, холодным существом, которое ничто не может задеть. Но этот безумный взгляд какого-то *урода* словно ударил её током высокого напряжения. Сердце, спавшее в грудной клетке годами, сделало тяжелый, болезненный удар, от которого по венам разлился чистый, обжигающий ужас. И этот ужас был самым живым, самым настоящим чувством.

— Иди прямо, не задерживай очередь, — грубо оборвал заминку санитар, толкнув Ив в спину.

Она сделала шаг вперед, но так и не опустила головы. “Самоубийца” проводил её взглядом, и его ухмылка стала шире. Он проводил её как равную. Как новую деталь в игре.

Ив увели дальше, вглубь коридора, к дверям буйного отделения. Но внутри неё уже вовсю бушевал пожар. И она ненавидела себя за это всей душой.

Парень на подоконнике проводил взглядом скрывшуюся за поворотом новую пациентку и лениво откинулся затылком на твердую поверхность. Ухмылка медленно сползла с его лица, оставив лишь холодное, расчетливое выражение глаз. Вэкуминд редко подбрасывал ему что-то интересное, в основном сюда привозили уже «готовых» — сломленных, накачанных транквилизаторами до состояния овощей, из которых тёк только липкий страх. Но эта девчонка В ней не было страха. Точнее, она прятала его так глубоко под своим высокомерным фасадом, что обычные тупоголовые санита-

ры видели лишь гордость. А он видел трещины. Он слишком хорошо знал, как выглядит броня, которая вот-вот расколется от правильного удара.

Спустя полчаса, когда его время прогулки подошло к концу, под конвоем паренька вернули в блок. Он сидел на краю своей узкой койки в полумраке, уставившись в пол, когда до слуха донесся тяжелый, шаркающий шаг. Глаза медленно перевели взгляд на две массивные тени, приближающиеся к его палате по кафельному полу коридора. Дверь распахнулась с коротким, мерзким скрипом.

В комнату без стука вошли двое — Билл, молодой, но уже обрюзгший санитар с садистской улыбкой, и старик Каллен, от которого, как всегда, за милю пахло дешевым табаком и перегаром. Отношения персонала с пациентами здесь не просто были плохими — они строились на чистом, обоюдном выжигании всего человеческого. Для этих двоих люди в пижамах были просто мясом, скотом, который нужно держать в узде.

Билл лениво пнул ногой железную ножку кровати, заставив её жалобно зазвенеть, и повернулся к напарнику, полностью игнорируя сидящего перед ними парня.

— Видал, Каллен, какую мразь сегодня привезли? — Билл смачно сплюнул прямо на пол палаты, уперев руки в бока. — Кастеллан фамилия. Высокомерная, сука, аж тошнит. Смотрит на Гретхен и на парней на посту так, будто мы говно на её дорогих туфлях. Из этих из богатеньких. Род-

ственники подсуетились, чтобы фонды какие-то переписать, пока девка в облаках витает.

Каллен в это время подошел к металлическому столику у стены. Из кармана халата он достал пластиковый блистер и с сухим, резким щелчком выдавил на ладонь три увесистые желтые таблетки. Рядом поставил пластиковый стаканчик со слегка зацветшей, пахнувшей ржавчиной водой.

— Да брось ты, — безучастно, хрипло отозвался старик Каллен, поворачиваясь к кровати. — Такие ломаются громче всех, Билл. Ты же знаешь. Две недели на жестком режиме у Гретхен, горсть колес утром и вечером — и эта мразь будет пускать слюни в подушку и умолять, чтобы ей разрешили дойти до туалета. Шеф четко сказал: держать её в строгости, характер выбить в первую же ночь. Родня платит за тишину и за то, чтобы она стала овощем, а не за её аристократические капризы.

Каллен протянул ладонь с желтыми таблетками вперед.

— Ну что, Каттер, — обратился он к сидящему парню, называя его по фамилии, как и всех, кого здесь лишали имен. — Твоя очередь. Жри витамины и не заставляй нас тратить на тебя лишнее время. Твой вечерний сеанс.

Николас Каттер, так его звали, он даже не пошевелился. Лишь медленно поднял голову, и на его бледных губах снова появилась та самая дикая, издевательская ухмылка, которую он адресовал новой девчонке в холле.

— Засунь себе эти колеса в глотку, Каллен, — тихо, с пу-

гающей хрипотцой выдохнул он. — Я эту дрянь глотать больше не буду. От неё мозги засыхают. А они мне еще понадобятся.

Билл хищно оскалился, словно только и ждал этих слов. Он сделал шаг вперед, на ходу срывая с пояса тяжелую резиновую дубинку.

— Ах ты, сучий потрох Ник, ты опять за свое? Забыл прошлый вторник?

Парень попытался резко вскочить с койки, чтобы перехватить замах, но Билл среагировал быстрее и страшнее. Он с размаху нанес удар дубинкой — прицельно, в плечо Каттера. Раздался глухой, тошнотворный стук. Парень глухо зарычал от боли, но успел выбросить вперед кулак, вскользь задев челюсть Билла. Санитар взревел от ярости, и в ту же секунду старик Каллен, несмотря на свой возраст, навалился на Каттера сзади, хватая его за горло и удушающим приемом увлекая назад на матрас.

— Держи его, Билл! Руки прижми! — хрипел старик.

Они избивали его методично, профессионально, зная, куда бить, чтобы причинить максимум дикой, парализующей боли, но не оставить смертельных повреждений. Билл нанес несколько быстрых, жестких ударов коленом парню под дых, полностью выбивая воздух из его легких. Парень согнулся, его шрамы на предплечьях вздулись, окрашиваясь багровым от прилива крови, он отчаянно дергался всем телом, пытаясь сбросить с себя двух тяжелых мужчин, но дышать было

нечем.

Билл всей своей тушей навалился ему на грудь, одной рукой намертво зажимая Каттеру нос, а пальцами второй со всей силы вдавливая ему челюсть по бокам, заставляя парня против воли широко раскрыть рот в попытке поймать хоть каплю воздуха.

— Засыпай их, пока он мне палец не откусил! — прорычал Билл, удерживая бьющегося в судорогах парня.

Старик Каллен грубо, царапая ногтями небо Каттера, протолкнул три желтые таблетки глубоко ему в горло и тут же влил следом полстакана ржавой воды. На секунду Билл отпустил нос парня, вынуждая его сделать судорожный, глубокий вдох — и вода вместе с горькими, начавшими растворяться таблетками со свистом ушла вниз по пищеводу. Николас зашелся в удушливом, хриплом кашле, его глаза покраснели от напряжения.

Спустя минуту санитары тяжело отстранились от кровати, поправляя сбитую форму и тяжело дыша. Каттер лежал на боку, свернувшись калачиком, его грудная клетка ходила ходуном.

Билл вытер пот со лба рукавом и брезгливо пнул напоследок лежащего парня по ребрам.

— Отдыхай, Каттер. Чтобы через пять минут тарелка была пустая, а сам ты спал. Завтра повторим, если не поумнеешь.

Они вышли, с грохотом захлопнув тяжелую дверь и три-

жды провернув ключ в замке. Едва щелкнул последний оборот, как Каттер преобразился. Вся его напускная слабость исчезла.

Преодолевая подступающую свинцовую тяжесть в ногах — лекарство уже начинало всасываться в стенки желудка, грозя отключить сознание, — он рухнул с кровати на четвереньки. Пальцы скользили по ледяному кафелю. Хрипя и давясь слюной, парень дополз до грязного унитаза в углу палаты.

Он без колебаний затолкнул два пальца глубоко в горло, нажимая на корень языка. Первый рвотный позыв вывернул желудок наизнанку, заставив слезы брызнуть из глаз. Его вырвало желчью, ржавой больничной водой и кусками полурастворенных, едких желтых капсул. Горло обожгло невыносимой химической горечью. Каттер нажал еще раз, и еще, пока из желудка не начала выходить чистая пена, смывая последние следы транквилизатора.

Он бессильно откинулся спиной на сырую стену, тяжело дыша и вытирая искусанные губы тыльной стороной ладони. Его трясло от боли в избитых ребрах, во рту стоял омерзительный вкус, но в темных глазах парня, вопреки всему, снова разгорался тот самый дикий, ясный и пугающий огонь. Разум остался чист. Они снова проиграли.

Каттер медленно подтянул колени к груди. Лекарство не успело подействовать, но перед глазами всё равно упрямо стоял один и тот же образ, за который он держался, как

за якорь. Лицо новой девчонки. Её высокомерный, ледяной взгляд в холле.

Весна. Ей было двенадцать.

Дом тёти Роузи удушливо, до тошноты пах лилиями. Огромные белые бутоны стояли в тяжелых хрустальных вазах по всей гостиной, и этот сладковатый, трупный аромат навсегда въелся в память Ив, став синонимом абсолютного, непоправимого горя.

Прошла всего неделя со дня, когда ей сказали, что самолет родителей разбился. Всего семь дней с момента, как её привычный, безопасный мир, наполненный маминым смехом и отцовскими чертежами, разлетелся в пыль.

Ив сидела на полу в самом дальнем углу чужой, душной гостиной, поджав колени к подбородку. На ней было черное траурное платье — дешевое, из жесткой ткани, которая нещадно колола шею. Тётя Роузи не позаботилась о том, чтобы подобрать одежду по размеру, поэтому даже туфли были огромными, спадающими с тонких детских лодыжек. Ив плакала. Долго, навзрыд, до судорог в голодных спазмах живота и липкого, холодного пота на лбу. Ей казалось, что если она выплачет всю себя, то эта невыносимая боль в груди наконец утихнет.

Шаги Роузи Роукс были мягкими, почти бесшумными. Женщина подошла медленно, остановившись в паре шагов. От нее веяло дорогим алкоголем. Она не наклонилась, что-

бы обнять сироту. Не опустилась на колени, не погладила по бледной, дрожащей голове. Роузи лишь брезгливо, с глубоким раздражением посмотрела сверху вниз на хлюпающую носом девочку, которая пачкала её дорогой ковер.

— Прекрати этот рев, Ив, — холодно, со свистом процедила тетка, прижимая пальцы к вискам. — От твоих постоянных слез у меня начинается мигрень. Твоих родителей уже не вернуть, а я не нанималась работать бесплатной нянькой для истеричной девчонки.

Ив замерла, подняв заплаканное лицо. В глазах тётки не было ни капли жалости — только сытая, холодная пустота человека, которому навязали чужую проблему.

— С этого дня ты живешь по моим правилам, — добавила Роузи, сузив глаза. — Либо ты ведешь себя тихо, либо я найду способ избавиться себя от твоего общества. Навечно.

Маленькая Ив судорожно сглотнула слезы, размазывая грязь и тушь по щекам. В этот момент внутри двенадцатилетней девочки что-то с щелчком переломилось. На смену детской беспомощности пришел первый, еще неосознанный зародыш глухой ярости. Она заставила себя замолчать. Сжала губы в тонкую линию и больше не проронила ни звука.

Роузи тогда удовлетворенно кивнула и ушла, наливать себе очередной бокал. Она не знала, что её ложь про «тело матери, которое так и не нашли среди обломков для праха», легла первым камнем в основание той ледяной стены, кото-

рую Ив начала строить вокруг своего сердца.

Глава 2. Белые халаты, грязные мысли.

Двери буйного отдела

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.